

УДК 82

Тан Дини

<https://orcid.org/0000-0002-2546-179X>

А. А. Федотова

<https://orcid.org/0000-0002-9629-6154>

**Полемика вокруг А. И. Герцена в культурной жизни 1860-х годов
(на материале русской публицистики)**

Статья выполнена в рамках деятельности Центра по изучению русскоговорящих стран Юго-Западного университета при Министерстве Образования КНР

Для цитирования: Тан Дини, Федотова А. А. Полемика вокруг А. И. Герцена в культурной жизни 1860-х годов (на материале русской публицистики) // Мир русскоговорящих стран. 2020. № 3 (5). С. 139–152. DOI 10.20323/2658-7866-2020-3-5-139-152

Статья посвящена анализу переломного этапа в восприятии поздней деятельности А. И. Герцена русским обществом. Авторы отмечают, что шестидесятые годы XIX столетия закономерно считаются временем решительных перемен в жизни русского общества, и в русской культуре их знаком стало прогрессирующее размежевание литературных сил по идеологическому принципу. В статье рассматривается острая полемика, развернувшаяся в культурной жизни 1860-х годов между лондонским публицистом, изданиями М. Н. Каткова («Современная летопись», «Русский вестник») и газетой П. С. Усова «Северная пчела». Свободный от идеологических клише анализ ключевых статей, написанных в ходе полемики («Письмо гг. Каткову и Леонтьеву», «Молодая и старая Россия», «Журналисты и террористы» А. И. Герцена, «Наши заграничные réfugiés», «Заметка для издателя «Колокола»» М. Н. Каткова, передовицы «Северной пчелы», которые сегодня убедительно атрибутируются как принадлежащие перу Н. С. Лескова), позволяет выявить важные различия в социокультурных позициях представителей «консервативных» органов отечественной печати и сделать выводы об авторских стратегиях создания публицистических высказываний. В статье делаются выводы о влиянии этой полемики на общественную и литературную судьбы писателей, отмечается, что полемика с Катковым предвосхитила резкое охлаждение к Герцену русского общества в следующем 1863 году, когда после поддержки издателем «Колокола» польского восстания тираж газеты резко упал до 500 экземпляров, столь же значима оказалась полемика 1862 года для Лескова, чей только начинающийся литературный путь чуть было не подошел к концу в результате травли со стороны «прогрессивной» печати, а в сознании писателя имя Герцена стала навсегда ассоциироваться с петербургскими пожарами, непозволительным легкомыслием революционных агитаторов и принесенными ей в жертву жизнями юношей-

---

© Тан Дини, Федотова А. А., 2020

фанатиков, что отразилось не только в последующих «герценовских» очерках Лескова, но и в его художественной прозе. Особенно актуальными в этой связи являются наблюдения над статьями Лескова, своеобразие ранней публицистики которого до сих пор остается малоизученным явлением русской культуры.

Ключевые слова: культурная жизнь России, А. И. Герцен, М. Н. Катков, Н. С. Лесков, «Колокол», «Русский вестник», «Северная пчела», полемика.

Tang Dingyi, A. A. Fedotova

**Polemic around A. I. Herzen in the cultural life of the 1860-s
(based on Russian journalism)**

The article is devoted to the analysis of the turning point in the perception of late activity of A.I. Herzen by Russian society. The authors note that the sixties of the XIX century are naturally considered the time of decisive changes in the life of Russian society, and in Russian culture their sign was the progressive separation of literary forces according to the ideological principle. The article considers the acute controversy that happened in the cultural life of the 1860s between the London publicist, publications of M. N. Katkov (“Modern Chronicle”, “Russian Herald”) and the newspaper of P. S. Usov “Severnaya pchela.” An ideological-free analysis of key articles written during the controversy (“Letter to Katkov and Leontiev”, “Young and Old Russia”, “Journalists and Terrorists” by A. I. Herzen, “Our Foreign réfugiés”, “Note for the publisher of “Kolokol” M. N. Katkov, the forerunner of “Severnaya pchela”, which today are convincingly attributed as belonging to N. S. Leskov), allows you to identify important differences in the socio-cultural positions of representatives of the “conservative” bodies of the domestic press and draw conclusions about copyright strategies for creating journalistic statements. The article draws conclusions about the influence of this controversy on the social and literary fate of writers, it is noted that the controversy with Katkov anticipated a sharp cooling to Herzen of Russian society in the following 1863, when, after the publisher of “Kolokol” supported the Polish uprising, the newspaper's circulation fell sharply to 500 copies, equally significant was the controversy of 1862 for Leskov, whose only beginning literary path almost came to an end as a result of harassment by the “progressive” press, and in the mind of the writer, the name Herzen began to be forever associated with the St. Petersburg fires, the imposing frivolity of revolutionary agitators and the sacrificed lives of young fanatics, which was reflected not only in the subsequent “Herzen” essays of Leskov, but also in his artistic prose. In this regard observations on Leskov's articles are especially relevant, the originality of the early journalism of which still remains a little-studied phenomenon of Russian culture.

Key words: cultural life of Russia, A. I. Herzen, M. N. Katkov, N. S. Leskov, “Kolokol”, “Russian Herald”, “Severnaya pchela”, controversy.

Как точно отмечал В. А. Туни- | на на развитие русской обществен-
манов, «влияние слова А. И. Герце- | ной и литературной мысли XIX ве-

ка (и начала XX) было исключительно велико и многообразно» [Туниманов, 1987, с. 100]. Апогея популярность Герцена достигла на рубеже 1850–1860-х гг., когда тиражи «Колокола» достигали 4 500–5 000 экземпляров. О популярности издания сохранилось показательное свидетельство В. П. Мещерского: «...в военно-учебных заведениях, высших того времени, Герцена брошюры читались, сваливаясь с неба, и я помню, при встречах с юнкерами-сверстниками, разговор о том, что у них классы делятся на герценистов и антигерценистов» [Мещерский, 1897, с. 69].

«Мода» на Герцена, по его собственной ироничной характеристике в «Былом и думах», достаточно скоро сменилась расхождениями и полемикой. Парадоксально, но факт, что один из первых неблагоприятных отзывов о Герцене в русской печати принадлежит Н. Г. Чернышевскому. В статье «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова», напечатанной в январском номере «Современника» за 1862 год, Чернышевский дополняет публикуемые им письма Добролюбова к родным жестким выпадом против недоброжелателей критика: «Теперь, милостивые государи, называвшие нашего друга человеком без души и сердца, – теперь честь имею обратиться к вам и <...> имею честь назвать вас тупоумными глупцами. Вызываю вас явиться, дрянные пошляки, – поддерживайте же ваше прежнее мне-

ние, вызываю вас» [Федотова, 2018, с. 35]. В объектах нелестного отзыва Чернышевского современники узнали И. С. Тургенева и Герцена, о чем и сам критик позже свидетельствовал в своих показаниях на следствии.

Однако официальной датой в полемике вокруг Герцена стала весна 1862 года, когда в русской печати после долгих лет молчания имя знаменитого изгнанника было произнесено вслух. Оно было упомянуто в апрельской статье газеты М. Н. Каткова «Современная летопись» в обзоре «Что делается в Москве»: «Что же такое читает теперь Москва? Еще не так давно я ответил бы: Не спрашивайте так громко... Москва читает теперь то, что читают украдкой, – это не для всех... Но это недавнее время прошло, и теперь я отвечу во всеуслышание: Москва читает письмо г. Герцена, известного русского réfugié» [Видуэцкая, 1963, с. 305]. Вслед за этим «Вятские губернские ведомости» опубликовали «Речь, сказанную при открытии Вятской публичной библиотеки А. Герценом 6 декабря 1837 года».

По воспоминаниям В. А. Цез, назначенного весной 1862 года председателем Санкт-Петербургского цензурного комитета, это внезапное появление имени Герцена в русской прессе было инспирировано им совместно с А. В. Головинным, бывшим в то время министром народного просвещения. При первом докладе Го-

ловнину Цез изложил ему свое мнение по вопросу Герцена: «Я полагал весьма полезным разрешить нашей печати возражать на статьи «Колокола» и при этом выразил надежду, что наша печать сумеет изобличить, сумеет разобличить те крайние увлечения, которыми, несмотря на замечательный ум и способность Герцена, изобиловала его газета» [Федотова, 2016, с. 274]. В воспоминаниях Цез точно обозначены основные силы, которые приняли участие в полемике с Герценом – ими стали издания Каткова «Современная летопись» и «Русский вестник», а также «Северная пчела». Всего в «Северной пчеле» было опубликовано 5 передовиц, посвященных «вопросу о Герцене» – все они сегодня убедительно атрибутированы И. П. Видуэцкой как принадлежащие перу Н. С. Лескова [Видуэцкая, 1963, 1996]. В конце 1861 года начинающий публицист – а с даты выхода его первого очерка не прошло и двух лет – переезжает в Петербург и попадает в самый центр горячей журнальной и газетной полемики.

Непосредственным поводом к написанию передовиц «Северной пчелы», посвященных деятельности Герцена, стала знаменитая полемика, разразившаяся между лондонским публицистом и Катковым. Передовицы Лескова – ««Колокол» и «Русский вестник»» (07.08.62, №212) и ««О заметке «Русского вестника» и о характере действий г. Герцена»» (08.08.62, №213) – свя-

заны с перепечаткой «Северной пчелой» наделавшей много шума статьи Каткова «Заметка для издателя «Колокола»» (Русский вестник. 1862. Т. 39. Июнь), которая, в свою очередь, стала продолжением заметки «Наши заграничные réfugiés» (Современная летопись. 1862. 6 июня).

Статьи Каткова отличаются резкой критикой деятельности Герцена. Небольшая заметка «Наши заграничные réfugiés» проводит прямые параллели между заявлениями издателя «Колокола» и майскими пожарами в Петербурге. По мнению Каткова, главная причина популярности в России Герцена – недостаточное развитие общества, науки и человеческой личности, которые делают возможным «тот факт, что несколько господ, которым нечего делать, несколько человек, неспособных контролировать свои собственные мысли, считают себя вправе распоряжаться судьбами народа с тысячелетнюю историей (бедный тысячелетний народ, за что суждено тебе такое унижение?), предписывая законы его неучащейся молодежи и его недоученным передовым людям» [Катков, 2010, с. 489–490]. Несмотря на острую критику личности Герцена, его имени Катков пока не называет, ограничиваясь перифразом, вынесенным в заглавие заметки. Ироничная формула «наши réfugiés», которую Катков нашел ранее в статье «Что делается в Москве», дополняется определением «загра-

ничные». Этот плеоназм напрямую связан с важной линией критики Катковым Герцена – указанием на его оторванность от российского общества.

Ответ Герцена на заметку Каткова – «Письмо гг. Каткову и Леонтьеву» – был опубликован в «Колоколе» 10 июня. Герцен не отказывает себе в удовольствии с иронией отозваться о найденной для него Катковым характеристике («я должен признаться, что я до сих пор думал, что все réfugiés и эмигранты – более или менее заграничные» [Герцен, 1958, с. 212]) и заканчивает открытое письмо свойственным для возвышенного и эмоционального стиля его публицистики сравнением себя с Прудоном: «Может, вы слышали, как в 1849 году в народном собрании в Париже Прудон, задетый таким же образом Тьером, сказал ему спокойно, стоя на трибуне, превратившейся на ту минуту в страшный суд: «Говорите о финансах, но не говорите о нравственности, я могу это принять за личность, и тогда я не картель вам пошлю, а предложу вам другой бой: здесь, с этой трибуны, я расскажу всю мою жизнь, факт за фактом, каждый может мне напомнить, если я что-нибудь пропущу или забуду. И потом пусть расскажет мой противник свою жизнь»» [Герцен, 1958, с. 213].

Открытое письмо Герцена и вызвало появление катковской «Заметки для издателя «Колокола»». Отвечая на «письмо», Катков при-

влекает текст еще одной известной публикации Герцена – «Молодая и старая Россия» (15 июля 1862). Эта статья, как явствует из ее названия, посвящена прокламации «Молодая Россия», распространение которой предшествовало петербургским пожарам. В тексте прокламации, призывавшей к «кровавой революции» [Лемке, 1904, с. 511], «уничтожению брака» [Лемке, 1904, с. 516] и провозглашению «социальной и демократической республики Русской» [Лемке, 1904, с. 518], отдельное внимание было уделено определению взгляда революционно настроенной молодежи на деятельность Герцена. Главным пунктом размежевания признавался недостаточный радикализм последнего: «С 1849 г. у Герцена начинается реакция: испуганный неудачною революциею 48 года, он теряет всякую веру в насильственные перевороты <...> его отвращение от кровавых действий, от крайних мер, которыми одними можно только что-нибудь сделать, – окончательно уронили журнал в глазах республиканской партии» [Лемке, 1904, с. 512–513].

Герцен видит необходимость прокомментировать наиболее резкие высказывания авторов прокламации: «революция кровавая и неумолимая» [Герцен, 1958, с. 512], «мы не страшимся ее хотя и знаем, что прольется река крови, что погибнут, может быть, и невинные жертвы» [Герцен, 1958, с. 514], «как очистительная жертва сложит голо-

вы весь дом Романовых! Больше же ссылок, больше казней! – раздражайте, усиливайте негодование общественного мнения» [Герцен, 1958, с. 516]. Для этого публицист подвергает интерпретации неоднократно повторяющийся в статье образ крови: «Жаль, что молодые люди выдали эту прокламацию, но винить их мы не станем. Ну что упрекать молодости ее молодость, сама пройдет, как поживут <...> Горячая кровь, *il troppo giovanil' bollore* <...> святое нетерпение, две-три неудачи – и страшные слова крови и страшные угрозы срываются с языка. Крови от них ни капли не пролилось, а если прольется, то это будет их кровь – юношей-фанатиков» [Герцен, 1958, с. 202]. Эмоциональный тон статьи задает подчеркнуто мягкая и дружественная реплика Герцена, которой он отвечает на достаточно резкую критику своей личности и деятельности в прокламации: «Вы нас считаете отсталыми, мы не сердимся за это, и если отстали от вас в мнениях, то не отстали сердцем – а сердце дает такт» [Герцен, 1958, с. 203].

Статья Герцена полна христианской образности, которая используется автором для характеристики молодых революционеров: «Наши жертвы искупления, как Михайлов, как Обручев, должны вынести двойное мученичество» [Герцен, 1958, с. 203], «народ нам не верит и готов побить камнями тех, которые за него отдают жизнь» [Герцен,

1958, с. 203]), «Разве шляхетная Магдалина своим собственным сердцем дошла до раскаяния?» [Герцен, 1958, с. 203]. Сопоставление радикальной молодежи с христианскими мучениками, в целом свойственной революционной стилистике, подчеркивает возвышенную и приподнятую интонацию пламенного заявления Герцена.

Вступая в полемику с Герценом Катков излагает сущность принципиальной позиции авторов прокламации, которая в статье лондонского публициста отодвинута на второй план: «Публике отчасти известно из газет содержание этого безобразного изделия наших революционеров. Здесь требуется не более ни менее как признать несуществующим Бога, затем уничтожить брак и семейство, уничтожить право собственности <...> достигнуть всего этого путем самого обильного кровопускания, какого еще нигде не бывало, и забрать крепко власть в свои руки» [Катков, 2010, с. 503]. Это лаконичное обобщение необходимо Каткову для того, чтобы продемонстрировать наиболее уязвимые, с его точки зрения, стороны статьи Герцена, в которых лондонский публицист дает свою оценку прокламации.

Основным объектом критики Каткова становится не содержание статьи Герцена – впрочем, по сравнению с прокламацией «Молодая Россия» оно вполне умеренно – а ее стилистика. Прежде всего, Катков жестко характеризует интонацию

дружеского обращения, выбранную Герценом для разговора с молодыми революционерами: «Обо всех говорит он с негодованием, со злобною иронией; к ним одним обращается он со словом нежности, с чувствительным дрожанием в голосе» [Катков, 2010, с. 504]. Кроме того, Катков саркастически отзывается о эмоциональной и возвышенной патетике, свойственной статье: «А чтоб им было веселее и чтоб они не одумались, он перебирает все натянутые струны в их душе, он шевелит в них всю эту массу темных чувствований, которые мутят их головы, он поет им о «тоске ожидания...», он поет им о «святом нетерпении» [Катков, 2010, с. 505]. Наконец, Катков тонко подмечает, что возвышенный характер статьи Герцена связан с использованием им библейской фразеологии, и жестко подчеркивает: «фразер иначе не говорит теперь, как библейским языком» [Катков, 2010, с. 504], «он отслужит по ним панихиду; шутовской папа, он совершит торжественную канонизацию этих японских мучеников» [Катков, 2010, с. 505], «он поет молебен жертвам, уже пострадавшим за подметные листы» [Катков, 2010, с. 505].

Катков утверждает двусмысленность избранной Герценом роли «пророка», основываясь на объективном факте жизни Герцена за границей: «Ему ничего, – пусть прольется кровь этих «юношей-фанатиков»! Он в стороне – пусть

она прольется» [Катков, 2010, с. 505], «и если б еще был он на месте, с ними, с этими «юношами-фанатиками» <...> нет, он поет им из-за моря» [Катков, 2010, с. 505]. Подбирая подходящие для Герцена определения Катков перестает стесняться в выборе выражений: «наш фразеолог» [Катков, 2010, с. 501], «наш артист» [Катков, 2010, с. 500], «болтун» [Катков, 2010, с. 503], «бездушный фразер» [Катков, 2010, с. 505] и заканчивает статью эффектным ответом на обращение в открытом письме к нему Герцена: «Издатели «Колокола» спрашивают нас, какие они люди. Мы сказали. Честными ни в каком случае назвать их нельзя. От бесчестия им одна отговорка – помешательство» [Катков, 2010, с. 512].

Если стиль статей Герцена послужил главным предметом критики Каткова, то стиль заметки Каткова стал основанием для того, чтобы Герцен прекратил с ним полемику. Своеобразным ответом на высказывания Каткова стала заметка «По поводу крепких слов г. Каткова и слабостей генерала Потапова», опубликованная в «Колоколе» 22 августа 1862 г., в которой Каткову отводится лишь одна финальная фраза: «Теперь разрешили убедителям III отделения ругать «нарушителей общественного порядка». Ну вот они и довели Каткова до статьи, в которую он упал, как в помойную яму! Как бы он не захлебнулся в ней по примеру генерал-адъютанта и бывшего спб. обер-

полицмейстера Кокошкина» [Герцен, 1958, с. 234]. Намекая на слухи об обстоятельствах гибели обер-полицмейстера С. А. Кокошкина, который при обследовании выгребных ям якобы провалился в одну из них, Герцен в свойственной ему тонкой иронической манере наносит сразу два выпада против Каткова: он демонстрирует и недопустимость тона издателя «Русского вестника», и намекает на его возможную связь с III отделением.

Статья Каткова была перепечатана «Северной пчелой» 7 августа 1862 г. Предваряет публикацию небольшая заметка Лескова. Ее название – ««Колокол» и «Русский вестник»» – показательно. Автор заметки старается быть предельно объективным и выступает как своеобразный арбитр в развернувшейся горячей полемике. Задачи газетной передовицы мало соответствуют подобной роли, поэтому Лесков организует свою заметку достаточно необычно – он напоминает читателям об основных вехах восприятия образа Герцена в отечественной печати. Связь между значимыми эпизодами этого пути временная: «С того времени, как Герцен, уехав за Границу, остался в Лондоне и объявлен в своем отечестве изгнанником, русские типографские станки не печатали ни его имени, ни его произведений. Гласно имя его произнесено в первый раз только в 1862 году. Только в 1862 году «Современник» отнесся к нему с некоторыми намеками <...> в нашей

газете была потом напечатана речь, сказанная Герценом в Вятке» <...> после того Герцена еще более раздражила небольшая заметка «Русского вестника» [Лесков, 1998, с. 666-667]. Лесков выстраивает своеобразную хронику событий, благодаря чему в заметке появляется сюжетное начало. Насыщенность заметки фактической информацией и сведение к минимуму оценочных языковых конструкций создает эффект предельно объективного повествования, которое подчеркивается лаконичными и емкими характеристиками: «речь, сказанная Герценом в Вятке, – это речь умная, спокойная и честная» [Лесков, 1998, с. 666], «заметка «Русского вестника» была горяча, немного желчна, но правдива» [Лесков, 1998, с. 667].

Собственно к разбору позиций Герцена и Каткова Лесков приступает в следующей своей статье, посвященной этой полемике – «О заметке «Русского вестника» и о характере действия г. Герцена», вышедшей в «Северной пчеле» на следующий день. По сути дела, эта небольшая передовица является единственным текстом Лескова, в котором он предельно прямо и точно формулирует свое расхождение с позицией Герцена. Впрочем, сохраняя стремление быть объективным, писатель начинает статью с критики заметки Каткова. Главным предметом критики закономерно выступает ее тон: «Мы находим, что в заметке «Вестника» есть много

верного и правдивого, но не можем без сожаления вспомнить о тех неприятных выражениях, которые рассыпаны по ней довольно щедро рукою» [Лесков, 1998, с. 669]. В этом замечании «Северная пчела» не была одинокой, о неподобающем тоне статей Каткова писали и М. П. Погодин, И. С. Тургенев, И. С. Аксаков [Батурицкий, 1904, с. 176-181].

Следующий вывод Лескова более парадоксален: публицист утверждает, что Катков «увлекся даже до того <...> что впал в весьма сильную ошибку. Он признал за г. Герценом такое значение, какого последний, по нашим понятиям, никогда в России не имел, да и никогда иметь не будет» [Лесков, 1998, с. 669]. Этот тезис и становится в передовице Лескова поводом для разоблачения Герцена. Отправной пункт для критики Лескова тот же, что и у Каткова – утверждение о жизни Герцена вне русского общества, что подчеркивается цитированием писателя заметки «Русского вестника»: «нам нужно <...> опровержение его идей, которые он проводил и проводит, «сидя за плечами лондонского полисмана»» [Лесков, 1998, с. 669], «Наш «генерал от революции», как называет его «Русский вестник», давно оставил свое отечество» [Лесков, 1998, с. 670]. Между тем, если для Каткова этот факт является поводом для обвинения Герцена в занятии двусмысленной позиции, то в статье Лескова он становится, скорее, ос-

нованием для оправдания лондонского публициста. По мысли Лескова, не сама по себе жизнь Герцена за границей заслуживает осуждения, но ее следствие – оторванность от современных реалий русского общества и, прежде всего, непонимание особенностей мировоззрения крестьянства.

Как известно, соотношение теории и практики, отвлеченной идеи и реальной жизни – это весьма близкий Лескову критерий, который он неоднократно применял к разного рода учениям, от нигилизма 60-х до народничества 70-х и толстовства 80-х годов. Писатель, который сразу же заявил о себе в литературе как о «изучавшем народ не по разговорам с петербургскими извозчиками» [Лесков, 1996, с. 206], и теорию Герцена разбирает именно с этой позиции. Выводы Лескова, естественно, неутешительны: «г. Герцен не человек дела» [Лесков, 1998, с. 670], «г. Герцен <...> берется устраивать нам такое положение, которого мы вовсе не хотим, к которому вся Русь не имеет никакого расположения и которому она станет противодействовать вся, от мала до велики, от мужика, сеющего гречу, до людей, ценою тяжких трудов и лишений сколотивших какой-нибудь грош для себя и малых детей» [Лесков, 1998, с. 670], «народ хлопочет об устройстве своего быта и больше занят тем, чтобы покрыть ветхие кровли своих изб, чем вопросами, которые близки сердцу Герцена» [Лесков, 1998,

с. 671]. Утверждая ограниченность и субъективность взгляда Герцена, Лесков иронично противопоставляет «всероссийской общине» [11, с. 670] и «социалистическим казармам» [Лесков, 1998, с. 670] – отвлеченным идеалам лондонского публициста – подчеркнуто приземленные, бытовые детали из русской жизни.

Тезису о том, что причина ограниченности взгляда Герцена – его оторванность от русской жизни – Лесков находит новые доказательства в заметке «Об отношении «Северной пчелы» к г. Герцену и его «собачкам» (28.08.1862). Эта передовица опирается на новую статью Герцена «Журналисты и террористы», опубликованную в «Колоколе» 15 августа. Статья является продолжением заметки Герцена «Молодая и старая Россия», однако тональность высказывания лондонского публициста заметно изменяется. Название статьи – «Журналисты и террористы» – тонко обыгрывает ее основную цель, а именно, ответ Герцена на нападки на него «Русского вестника», с одной стороны, и молодых революционеров с другой. Возвышенность и эмоциональность стиля Герцена остаются теми же, но от романтизации революционной деятельности публицист обращается к прагматике: «Насильственные перевороты бывают неизбежны <...> но выкликать их в начале рабочего дня, не сделав ни одного усилия, не истощив никаких средств, останавливаться на

них с предпочтением нам кажется так же молодо и незрело, как нерасчетливо и вредно пугать ими <...> Наш переворот должен начаться с сознательного возвращения к народному быту, к началам, признанным народным смыслом и вековым обычаем. Закрепляя право каждого на землю, т. е. объявляя землю тем, чем она есть – неотъемлемой стихией, мы только подтверждаем и обобщаем народное понятие об отношении человека к земле. А потому оставьте революционную риторику и займитесь делом <...> соединяйтесь с народом, чтоб он забыл ваш откол; проповедуйте ему не Фейербаха, не Бабёфа, а понятную для него религию земли <...> и будьте готовы» [Герцен, 1958, с. 702].

В передовице «Северной пчелы» Лесков цитирует финальный призыв Герцена к «молодой России»: «Тут предлагается «оставить революционную риторику и заняться делом»; «проповедовать народу не Фейербаха, не Бабёфа, а понятную для него религию земли...». Уступка огромная и способная еще увеличиваться по мере того, как г. Герцен будет ближе узнавать, какую «религию земли» исповедует наш народ. Г. Герцен ведь решительно не знает, что думает народ и к чему он стремится. Просим же его хоть немножко поверить нам, что народ всеми мерами стремится достигнуть со временем поземельной собственности. Десятину, две, хоть осминничек, да лишь бы своего <...>

Вот его религия земли <...> Охотно верят только тому, чему приятно верить, а г. Герцену, конечно, не может быть приятно поверить, что народ желает донавозить свой собственный кусочек «стихии» и помаленьку раскупает ее» [Лесков, 1998, с. 702]. Субъективную и ограниченную позицию «лондонского публициста» Лесков, как и в предыдущих своих передовицах, сопоставляет с ракурсом практика и знатока народной жизни. Обращаясь к приему несобственно-прямой речи, писатель воспроизводит в передовице фразеологическую и идеологическую точку зрения крестьянина: «Десятину, две, хоть осминничек, да лишь бы своего», «помаленьку раскупает ее». Характерное использование уменьшительно-ласкательных форм слов вводит в финал передовицы тонкую насмешку над умозрительными, по мнению Лескова, построениями Герцена, что особенно очевидно во фразе «народ желает донавозить свой собственный кусочек «стихии»». Писатель противопоставляет подчеркнуто сниженный образ повседневного крестьянского труда возвышенному и в глубине своей романтическому пониманию Герценом земли как «стихии».

60-е годы XIX столетия закономерно считаются временем решительных перемен в жизни русского общества. В русской литературе их знаком стало прогрессирующее размежевание литературных сил по идеологическому принципу, что

отразилось, прежде всего, в жанре романа (подробнее об этом см. [Андреева, 2012; Андреева, 2013]). Парадоксальность полемики вокруг деятельности Герцена определяется тем, что в критике его деятельности взгляды «партизанов» (как в то время называли представителей разных партий) неожиданно сошлись.

1862 год оказался переломным для издателя «Колокола», ответившего на резкую отповедь русских авторов горькими словами о собственном одиночестве и трагедии непонимания его на родине: «Еще и еще камень – ну, этот мимо, и вот еще <...> это не камень, что-то рыхлое, ледящееся, это из-за Черной Грязи. Почти все, владеющие пращой в русской журналистике, явились один за другим на высочайше разрешенный тир и побивают нас <...> По счастью, у иных рука неверна, словно дрожит от волнения, от угрызения совести, от воспоминаний; другие нарочно пускают мимо, а третьи бросаются грязью, – это очень гадко, но не больно. Потешайтесь, господа; мы только того и хотели, чтоб как-нибудь возвратиться к вам; мы возвращаемся мишенью, итак, à vos pièces, canonniers! (к орудиям, канониры!)» [Герцен, 1958, с. 221]. Poleмика с Катковым предвосхитила резкое охлаждение к Герцену русского общества в следующем 1863 году, когда после поддержки издателем «Колокола» польского

восстания тираж газеты резко упал до 500 экземпляров.

Но еще более роковую роль полемика 1862 года сыграла в жизни молодого автора «Северной пчелы» Лескова, чей только начинающийся литературный путь чуть было не подошел к концу в результате травли со стороны «прогрессивной» печати. В сознании писателя имя Герцена стало навсегда ассоциироваться с петербургскими пожарами,

непозволительным легкомыслием революционных агитаторов и принесенными ей в жертву жизнями юношей-фанатиков, что отразилось не только в последующих «герценовских» очерках Лескова («Искандер и ходящие о нем толки» (1863), статьи в газете «Биржевые ведомости» (1869-1870) «Загадочный человек» (1870)), но и в его художественной прозе (роман «Некуда» (1864)) [Щеэ, 1897].

Библиографический список.

1. Андреева В. Г. Второе поколение русских нигилистов в восприятии Н. С. Лескова, В. Г. Авсеенко // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2012. №4. С. 114-117.
2. Андреева В. Г. Взбаламученное море А.Ф. Писемского и «Дым» И. С. Тургенева: типологические связи и художественные переключки // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. №5. С. 121-125.
3. Батуринский В. П. А. И. Герцен, его друзья и знакомые. Т. 1, Санкт-Петербург : Издательство Львовича, 1904. 310 с.
4. Видуэцкая И. П. Лесков о Герцене // Проблемы изучения Герцена. Москва : Изд-во АН СССР, 1963. С. 301-320.
5. Видуэцкая И. П. Передовые статьи по вопросам внутренней жизни России в «Северной пчеле» (1862-1863 гг.) // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 1. Москва : «Терра», 1996. С. 787-859.
6. Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 т. Т. 16. Москва : Изд-во АН СССР, 1958. 529 с.
7. Головачева О. А. Средства характеристики в публицистических статьях Н.С. Лескова об А.И. Герцене: парадигматический и стилистический аспекты // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2011. №7. С. 79-82.
8. Катков М. Н. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 1. Заслуга Пушкина: О литераторах и литературе. Санкт-Петербург : ООО «Издательство «Росток», 2010. 834 с.
9. Лемке М. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия. Санкт-Петербург : Книгоиздательство М. В. Пирожкова, 1904. 428 с.

10. Лесков Н. С. Русское общество в Париже // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 3. Москва : «Терра», 1996. С. 185–372.
11. Лесков Н. С. Сочинения 1862–1863 гг. // Лесков Н. С. Полное собрание сочинений в 30 т. Т. 2. Москва : Терра, 1998. 992 с.
12. Мещерский В. П. Мои воспоминания. Ч. 1 (1850–1865). Санкт-Петербург : Типография князя В. П. Мещерского, 1897. 453 с.
13. Туниманов В. А. «Вольное слово» А. И. Герцена и русская литературная мысль XIX века // Русская литература. 1987. №1. С. 100–112.
14. Федотова А. А. «Трудный рост»: рецепция в прозе Н. С. Лескова. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2018. 342 с.
15. Федотова А. А. Эквивалентность персонажей в сказе Н. С. Лескова // Верхневолжский филологический вестник. 2016. №2. С. 142–148.
16. Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений в 15 т. Т. 10. Москва : Государственное издательство художественной литературы, 1951. 1094 с.
17. Цез В. А. Воспоминания // Русская старина. 1897. № 11. С. 274–277.

Библиографический список.

1. Andreeva V. G. Vtoroe pokolenie russkih nigilistov v vosprijatii N. S. Leskova, V. G. Avseenko = The second generation of Russian nihilists in the perception of N. S. Leskov, V. G. Avseenko // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2012. №4. S. 114–117.
2. Andreeva V. G. Vzbalamuchennoe more A.F. Pisemskogo i «Dym» I. S. Turgeneva: tipologicheskie svjazi i hudozhestvennye pereklichki = The amorous sea of A.F. Pisemsky and "Smoke" of I.S. Turgenev: typological connections and art roll calls // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova. 2013. №5. S. 121–125.
3. Baturinskij V. P. A. I. Gercen, ego druž'ja i znakomye = A. I. Herzen, his friends and acquaintances. T. 1, Sankt-Peterburg : Izdatel'stvo L'vovicha, 1904. 310 s.
4. Vidujeckaja I. P. Leskov o Gercene = Leskov about Herzen // Problemy izuchenija Gercena. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1963. S. 301–320.
5. Vidujeckaja I. P. Peredovye stat'i po voprosam vnutrennej zhizni Rossii v «Severnoj pchele» (1862-1863 gg.) = Leading articles on the internal life of Russia in "Severnaya pchela" (1862-1863 gg.) // Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 1. Moskva : Terra, 1996. S. 787–859.
6. Gercen A. I. Sobranie sochinenij: v 30 t. T. 16 = Collected works: 30 t. T. 16. Moskva : Izd-vo AN SSSR, 1958. 529 s.
7. Golovacheva O. A. Sredstva harakterizacii v publicisticheskijh stat'jah N. S. Leskova ob A. I. Gercene: paradigmaticeskij i stilisticheskij aspekty =

Means of characterization in journalistic articles by N.S. Leskov about A. I. Herzen: paradigmatic and stylistic aspects // *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogičeskogo universiteta*. 2011. №7. S. 79-82.

8. Katkov M. N. *Sobranie sochinenij: v 6 t. T. 1. Zasluga Pushkina: O literatorah i literature = Collected works: in 6 v. V. 1. Pushkin's Merit: about writers and literature*. Sankt-Peterburg : OOO «Izdatel'stvo «Rostok», 2010. 834 s.

9. Lemke M. *Očerki po istorii russskoj cenzury i zhurnalistiki XIX stoletija = Essays on the history of Russian censorship and journalism of the XIX century*. Sankt-Petebrug : Knigoizdatel'stvo M. V. Pirozhkova, 1904. 428 s.

10. Leskov N. S. *Russkoe obshhestvo v Parizhe = Russian society in Paris // Leskov N.S. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 3. Moskva : «Terra», 1996. S. 185-372.*

11. Leskov N. S. *Sochinenija 1862–1863 gg. = Compositions 1862–1863 gg. // Leskov N. S. Polnoe sobranie sochinenij v 30 t. T. 2. Moskva : «Terra», 1998. 992 s.*

12. Meshherskij V. P. *Moi vospominanija = My memories. Ch. 1 (1850–1865)*. Sankt-Peterburg : Tipografija knjazja V. P. Meshherskogo, 1897. 453 s.

13. Tunimanov V. A. «Vol'noe slovo» A. I. Gercena i russkaja literaturnaja mysl' XIX veka = "Free Word" by A. I. Herzen and Russian literary thought of the XIX century // *Russkaja literatura*. 1987. №1. S. 100–112.

14. Fedotova A. A. «Trudnyj rost»: recepcija v proze N. S. Leskova = "Difficult growth": reception in N. S. Leskov's prose. Jaroslavl' : RIO JaGPU, 2018. 342 s.

15. Fedotova A. A. *Jekvivalentnost' personazhej v skaze N. S. Leskova = Equivalence of characters in the story of N. S. Leskov // Verhnevolzhskij filologičeskij vestnik*. 2016. №2. S. 142–148.

16. Chernyshevskij N. G. *Polnoe sobranie sochinenij = Complete set of works in v 15 t. T. 10. Moskva : Gosudarstvennoe izdatel'stvo hudozhestvennoj literatury*, 1951. 1094 s.

17. Ceje V. A. *Vospominanija = Memories // Russkaja starina*. 1897. № 11. S. 274–277.